

идея о наделении определенного государственного деятеля чрезвычайными полномочиями. Наделение полнотой власти одного человека для решения чрезвычайных обстоятельств стало всемирно употребляемой практикой современных государств. Современная доктрина института чрезвычайного положения использует наработки древнеримской практики преодоления чрезвычайных обстоятельств. Например, наделение дополнительными полномочиями должностных лиц, а также введение особой должности для экстренного и эффективного решения проблем государства.

Литература

1. Ухов, В. Ю. Институт чрезвычайного положения в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / В. Ю. Ухов ; Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД РФ. – М., 2007. – 416 с.

Возможность выбора *lex mercatoria* в качестве применимого права по законодательству Германии

Борозна А. А., студ. III к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Кудрявец Ю. Н.

На протяжении долгого времени основным постулатом международного частного права было толкование термина «применимое право» исключительно в качестве национальных правовых норм государства. Однако вследствие целого ряда причин, таких как глобализация экономики и интенсификация международного коммерческого оборота, существенно возрос интерес к вне-национальному праву, или *lex mercatoria*. Появился запрос на упрощенный режим заключения сделок между контрагентами из разных правовых систем, и одной из удобных опций для сторон договора становится обращение к альтернативным источникам права. *Lex mercatoria* как совокупность вне-национальных норм зарождалась и развивалась автономно и на протяжении всей истории претендовала на роль независимого регулятора торгового оборота. Источниками *lex mercatoria* является совокупность негосударственных регуляторов международного торгового оборота, а также актов, не имеющих обязательной юридической силы, которые становятся обязательными для субъектов международного торгового оборота в случае прямого или косвенного отказа от применения национального права какого-либо государства. К таковым источникам можно отнести Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА, Принципы европейского договорного права, акты Международной торговой палаты и другие. Не являясь источниками права в привычном понимании, они обладают высоким авторитетом.

Вопрос о допустимости выбора *lex mercatoria* в качестве применимого к контракту права разрешается спорно, в том числе и в правовом порядке Федеративной Республики Германия. Прежде всего, немецкие государственные суды обращаются к *lex mercatoria* при разрешении споров намного реже, чем коммерческие арбитражи, и практика применения ими *lex mercatoria* не столь обширна. Согласно преобладающему в немецкой доктрине мнению, *lex mercatoria* не составляет независимой от национального права системы [1, с. 55]. Хотя в проекте Регламента «Рим I», унифицирующем нормы коллизионного права государств Европейского союза, предусматривалась возможность сторон выбрать «принципы и нормы материального договорного права, признанные на международном уровне или в Сообществе», этот вариант был отвергнут в том числе из-за сильных возражений со стороны Германии, и пределы автономии воли сторон были ограничены нормами национальных правовых порядков [2, с. 84]. В окончательном варианте Регламента п. 13 преамбулы предусмотрено, что «Регламент не запрещает сторонам включать посредством отсылки в свой договор негосударственное право или международное соглашение». Правоведы называют сложившуюся ситуацию «правовым Франкенштейном». Как отмечает профессор Ф. Маррелла: «В соответствии с “Рим I” стороны могут выбрать *lex mercatoria*, но это работает просто как договорная рецепция, и, конечно, не как действительный выбор права» [3, с. 79]. Как следствие, германские суды чрезвычайно неохотно признают вненациональные акты в качестве отдельного источника права. Даже если стороны решат руководствоваться в своих отношениях нормами *lex mercatoria*, то государственный суд применит нормы национального законодательства, установленные на основе коллизионных норм, а затем будет размышлять над применением норм *lex mercatoria* лишь в той мере, в какой это позволяют сделать национальные коллизионные нормы.

Арбитражное законодательство Германии, закрепленное в главе 10 Гражданского процессуального кодекса, основано на Типовом законе ЮНСИТРАЛ о международном коммерческом арбитраже и, соответственно, более «снисходительно» к возможности выбора вненационального права. ГПК ФРГ (ст. 1034.2) позволяет сторонам создавать трибунал, выносящий решение не на основе права, а *ex aequo et bono*, если стороны сами изъявили такое желание. Именно такие «соображения справедливости» рассматриваются многими исследователями как основание применения *lex mercatoria* в арбитражном процессе. Вопрос о признании и приведении в исполнение германскими судами арбитражных решений, основанных на *lex mercatoria*, остается дискуссионным. Тем не менее, большинство исследователей склоняется к мнению, что такие решения будут признаны судами как проявление допустимой автономии воли [1, с. 55].

Таким образом, по праву Германия применение *lex mercatoria* в полной мере возможно только в арбитражном разбирательстве и при включении

сторонами положения о применении вненационального права в арбитражную оговорку. Негибкость немецкого законодателя, нашедшая отражение в том числе в финальной версии «Рим I», не соответствует современным тенденциям в области международного частного права.

Литература

1. Белов, В. А. Договоры коммерческого права. Акты частноправовой унификации в системе источников договорного торгового права / В. А. Белов [и др.] ; отв. ред. В. А. Белов. – М. : Юрайт, 2021. – 336 с.
2. Brödermann, E. The Choice of the UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts in a “choice of law” clause / E. Brödermann // Bucerius Law Journal. – 2018. – Heft 2. – С. 80–86.
3. Marrella, F. Lex mercatoria and the UNIDROIT Principles: a Shock or a New Chapter of Contemporary Private International Law? / F. Marella // Trans-lex. – 2014. – С. 75–87.

Особенности правового регулирования оборота токенов в Швейцарии

*Борозна А. А., студ. III к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Кудрявец Ю. Н.*

Швейцария является одной из самых дружественных к криптоактивам юрисдикций с точки зрения развитости криптосервисов, совершенства правового регулирования и лояльности налогообложения прибыли от сделок с криптовалютой. Подтверждением этого служит то, что Швейцария в прошлом году заняла второе место в мире после США по объему средств, привлеченных в результате первичного размещения токенов (далее – ICO). Именно здесь компания Facebook первоначально планировала зарегистрировать свой стейблкоин Libra – в Швейцарии для этого достаточно получить специальную лицензию регулятора – Управления надзора за операциями финансового рынка (FINMA).

В 2021 г. в Швейцарии вступил в силу Закон о распределенном реестре (DLT) [1], направленный на усовершенствование регулирования операций с токенами. Одним из примеров DLT является блокчейн – распределенная база данных, которая содержит информацию обо всех транзакциях, проведенных участниками системы. Под токеном обычно понимается цифровая единица, наделяющая держателя теми или иными правами, которые определяются эмитентом перед стартом. Оценка токена производится FINMA в индивидуальном порядке в зависимости от того, как спроектировано ICO. Поскольку общепризнанной классификации токенов нет ни в Швейцарии, ни